

М. АННАНЕПЕСОВ

## ТУРКМЕНИ В ЭКСПЕДИЦИЯХ А. БЕКОВИЧА-ЧЕРКАССКОГО 1715—1717 гг.

### 1. Организация экспедиций

Печальная судьба экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиву 1717 г. оставила глубокий след не только в развитии русско-среднеазиатских взаимоотношений, но и в истории России Петровской эпохи. В исторической литературе в разное время и в разной степени освещались события, связанные с поездкой туркменского купца Ходжанепеса в Санкт-Петербург, с подготовкой и отправлением экспедиций А. Бековича-Черкасского на восточное побережье Каспийского моря, с гибелью последней экспедиции в Хиву и др. Попутно ставился вопрос о старом русле Амударьи и о повороте ее вод в сторону Каспийского моря [1]. Но в туркменской советской исторической литературе эти вопросы специально не изучались, если не считать краткое изложение экспедиций А. Бековича-Черкасского в «Очерках» [4, с. 347—348] и двухтомной истории ТССР [3, с. 419—420].

В предлагаемой статье делается попытка осветить вопрос о роли туркмен в экспедициях А. Бековича-Черкасского, об их сотрудничестве с экспедициями. Статья написана на базе опубликованных нами (совместно с Х. Агаевым) в 1963 г. [7] и еще не опубликованных архивных источников, выявленных в фондах центральных хранилищ страны. Эти архивные материалы должным образом еще не исследованы и не использованы в научной литературе. Большой интерес представляют публикации и труды дореволюционных авторов, в частности материалы допросов случайно уцелевших участников экспедиции в Хиву, опубликованные еще в середине XIX в. [5, с. 319—337].

Истоки русско-среднеазиатских торгово-экономических и политических связей уходят в седую даль столетий. Велась оживленная караванная торговля среднеазиатских купцов с Восточной Европой, происходил обмен посольствами с Хивой и Бухарой. Важное значение приобретали торговые магистрали на пути из Азии в Европу, пролежавшие через туркменские земли на Усть-Юрте и Мангышлаке. В караванной торговле с Россией участвовали и туркменские купцы. В частности, в 1641 г. туркменские торговцы из рода аджи побывали в Москве.

Мангышлакские туркмены издавна поддерживали с Россией торговые отношения через посредство калмыцких ханов и считали себя

холопами хана Аюки, его отца и деда в течение ста тридцати лет. В письме туркменского старшины Бегенча из того же рода аджи от 3 марта 1721 г. астраханскому дворянину К. И. Воронину сообщается: «Великому-де государю мы верны двести лет и государевы-де суда к нам в Караган для торгу приезжали и добродетели делали»<sup>1</sup>. Речь идет о мысе Тюб-Карагане<sup>2</sup>, где имелась удобная гавань, защищенная от северных штормовых ветров и куда обычно приставали русские купеческие суда из Астрахани. Мыс Тюб-Караган уже в начале XVIII в. «был... известен астраханским жителям по торговле, производимой ими у сего места с тухменцами. Русские и татары ездили туда из Астрахани на малых судах компаниями» [7, с. 52].

С правления Петра I начинается новый период в истории взаимоотношений России с народами Средней Азии. Петр I придавал большое значение установлению господства России на Каспийском море и открытию кратчайших торговых путей через Среднюю Азию в страны Центральной Азии и Индию. По словам историка XIX в. С. М. Соловьева, Петр I, «прорубая окно в Европу на морях Балтийском и Черном, в то же время искал ключ и врата ко всем азиатским странам через киргизские (казахские. — М. А.) и туркменские степи» [1, с. 4—7].

В 1713 г. с одной из торговых компаний прибыл в Астрахань «знатный туркменец» Ходжанепес. Как видно из документов, Ходжанепес — отнюдь не случайная личность; он выражал интересы и чаяния своего народа, был его полномочным представителем. Он рассказал проживавшему в Астрахани князю Заманову<sup>3</sup> о том, что хочет поговорить с российским императором и «открыть дело великой для государства пользы» [7, с. 52]. Заманов не без корысти для себя проводил Ходжанепеса в Санкт-Петербург, где через посредство близкого к Петру I гвардии поручика А. Бековича-Черкасского<sup>4</sup> удостоился приема царя. Это было весной 1714 г. Ходжанепес рассказал Петру I о «песочном золоте», добываемом в стране, лежащей при реке Амударья (Бухарское ханство) и о том, что река прежде впадала в Каспийское море, но хивинцами отведена в Аральское море якобы «ради безопасности от россиян», что, перекопав плотину, можно обратить реку в прежнее русло, «в чем русским будут помогать и туркменцы» [7, с. 52].

Сведения Ходжанепеса про «песочное золото» были подтверждены прибывшим в столицу сибирским губернатором князем Гагариным и находившимся в 1714 г. при дворе послом Хивинского ханства Ашурбеком. Первый из них говорил о добыче золота в Бухарии, второй — о том, что Амударья в верховьях вымывает золотой песок [7, с. 53].

Все это послужило Петру I предлогом к исследованию возможности открыть через Каспийское море путь для торговли с Индией. 29 мая 1714 г. был издан именной указ Петра I об отправлении морской экспедиции под руководством А. Бековича-Черкасского для обследования восточного побережья Каспийского моря и собирания предварительных сведений об устье Амударьи, о Хиве, Бухаре и т. д.

Первая поездка князя Черкасского к восточным берегам Каспийского моря состоялась в период с 25 апреля по 9 октября 1715 г. Архив-

<sup>1</sup> ЦГА ДА, ф. 276, оп. 1, д. 560, л. 9—10.

<sup>2</sup> В источниках часто ошибочно — «Тюк-Караган».

<sup>3</sup> Персиянин, родом из Гиляни, где был беком (Заман-бек). Впоследствии переехал в Астрахань и принял христианскую веру.

<sup>4</sup> Родом из Кабарды. Был за границей для изучения наук, особенно мореплаванья; с 1713 г. становится доверенным лицом Петра I. Был женат на княжне Марии Борисовне Голицыной, дочери известного князя Б. А. Голицына, под надзором которого воспитывался Петр I.

ные документы свидетельствуют о тесном сотрудничестве мангышлакских туркмен с экспедицией при осмотре восточных берегов моря. В письме астраханскому губернатору от 25 июля 1715 г. они писали: «Деды и отцы наши близ трехсот лет великому государю служили, и ныне по указу великого государя приехал к нам князь Александр Бекович и по приказу его мы все исполнили» [7, с. 26]. Сам Черкасский также признавался, что от обывателей восточных берегов Каспийского моря «никаких зол не видали по се время, паче обошлись с нами дружно, по требованию нашему давали лоцманов (проводников. — М. А.) водяным и сухим путем; ежели б милостивый бог не умилосердил оных народов к нам, не безбеден был бы живот наш...» [7, с. 26].

В конце 1715 г. князь Черкасский поехал к Петру I с донесением о результатах своей первой предварительной поездки к восточным берегам Каспийского моря. Он застал царя в Либаве (близ Риги). После личного доклада и беседы с князем Черкасским Петр I 16 февраля 1716 г. издал указ Правительствующему сенату об отправлении князя Черкасского в Каспийское море и далее послом к хивинскому хану, а к хану бухарскому и великим моголам Индии было приказано послать купцов [7, с. 46]. В тот же день Петр I собственноручно написал все пункты указа (инструкции) на имя Черкасского, в котором определил основные задачи предстоящей экспедиции.

Указом предписывалось, что экспедиция, во-первых, должна изучить водные и сухопутные торговые пути в Хиву, Бухару, а затем в Восточный Туркестан и Индию; во-вторых, прилежно осмотреть течение Амударьи, все плотины на ее протоках с тем, чтобы «оную воду пакн обратить в старый ток», то есть в сторону Каспийского моря; в-третьих, хивинского хана склонить к верности и подданству, а бухарского — «в дружбу привести». Начальнику экспедиции предписывалось «накрепко смотреть, чтоб с обыватели земли ласково и безтягостно обходилися». При этом Петр I отмечает, что среднеазиатские ханы бедствуют от своих подданных, прозрачно намекая на выступления народных масс против произвола ханских властей.

Для осуществления этих целей Петр I приказал выделить экспедиции 4 тыс. регулярных войск, 1,5 тыс. яицких, 500 человек гребенских казаков, 100 человек драгун, судов «сколько потребно», инженеров, навигаторов, морских офицеров при полном снаряжении, продовольствии и амунии [7, с. 27—28].

В грамоте Петра I хивинскому хану Ширгази от 21 апреля 1716 г. сообщается, что в 1714 г. к нему прибыл хивинский посол Ашур-бек с прошением о свободе торговли между Хивой и Россией, о том, чтобы купцы могли свободно проезжать через земли обоих государств, чтобы им «свободность дать и обид и налог не чинить». Выражая свое согласие на это, Петр I сообщает, что он решил послать к хану посла А. Бековича-Черкасского «для нужнейших дел к общей пользе как нашего Российского государства, так и Хивинской земли» [7, с. 29].

В результате распоряжений Сената и по особым требованиям самого Черкасского, было выделено три полка<sup>1</sup> по 1200 человек, 1500 яицких, 500 человек гребенских казаков, 600 человек драгун, артиллеристов 43 человека, инженеров, разных гражданских лиц (астраханские дворяне, купцы, вожатые, переводчики и т. д.) — 110 человек. Всего в экспедициях 1716—1717 гг. участвовало 6350 человек, кроме офицеров и нижних чинов Морского ведомства. Отряду было отпущено множество инженерного инструмента — лопат, заступов, кирок, топоров и т. д. [7, с. 46].

<sup>1</sup> Пензенский полк, Коротояцкий (или Крутойярский) полк из Воронежа и Риддеров полк из Астрахани (ЦГИА ГрузССР, ф. 1087, д. 612, л. 4—7).

Этот общий итог выведен на основании сведений, поданных князем Черкасским астраханскому обер-коменданту по случаю требования провианта на наличное число людей<sup>1</sup>.

Для перевозки отряда к берегам Каспийского моря было приказано дать все готовые суда, имевшиеся налицо в Астрахани, Казани и во всех городах низовьев Волги, а также строить новые, согласно требованиям Черкасского. Для экспедиций 1716—1717 гг. всего было мобилизовано 147 судов разной величины и названий. Расходы экспедиций 1716—1717 гг. составляли 183 157 руб., а с издержками 1714—1715 гг. казной было истрачено всего 218 095 руб.<sup>2</sup>

А. Бекович-Черкасский отправился во вторую поездку на Каспийское море 20 сентября 1716 г. и 9 октября прибыл на мыс Тюб-Караган на Мангышлаке, где высадил войска, заложил крепость, названную Святой Петр. Из Тюб-Карагана князь Черкасский послал Ходжа-непеса вместе с двумя астраханцами—дворянином Званским и Н. Федоровым<sup>3</sup> в пределы Хивы для осмотра прежнего русла Амударьи и плотины, преграждавшей путь воде в сторону Каспийского моря. В это же время отправил флота поручика Кожина на юг в Астрабад, куда он должен был доставить подпоручика Давыдова, назначенного послом к бухарскому хану. Сам князь Черкасский 23 октября 1716 г. отправился к Красным водам, куда прибыл 3 ноября и заложил крепость. Отсюда он 17 декабря 1716 г. сухим путем в сопровождении конвоя из 100 человек и 60 человек туркмен отправился в Астрахань, куда прибыл 20 февраля 1717 г. [7, с. 47—48].

Таким образом, в 1716 г. князь Черкасский основал две крепости на восточном берегу Каспийского моря — в Тюб-Карагане и Красноводске, где оставил войска под командованием полковников Хрущева и фон дер Видена.

Несомненный интерес представляет отношение туркмен к событиям 1716 г. Князь Черкасский в донесении Петру I от 18 ноября 1716 г. отмечает, что туркменские земли простираются от российских земель близ р. Эмбы на севере до самого города Астрабада на юге, что «оной народ трукменской разных родов выбирают сами между собою владельцев или старшин», что он призывал их в подданство России, «в которых есть в здешних краях немалая нужда» [7, с. 30]. В заключение он сообщает, что прибрежные туркмены изъявили желание вступить в подданство России и письменно подтвердили это. Причем речь шла не о какой-то небольшой группе туркмен, а обо всех прибрежных племенах, то есть «все те разных родов трукменцы обещались вашему величеству верно служить и письмами утвердились, какие они письма мне дали в подданство их вечной вашему величеству при сем послан перевод» [7, с. 30].

Сами мангышлакские туркмены в письмах астраханскому губернатору сообщают, что князь Черкасский<sup>4</sup> прибыл в Тюб-Караган и на Красные воды и «в то время отпускали мы с ним, Черкасским, людей своих семьдесят человек и для тое службы и за посылку наших людей обещал он, князь Черкасский, дать нам сто сорок мешков пшеничной

<sup>1</sup> Каждому солдату было отпущено по одной шубе, рыбы по 0,5 пуду, вина и уксусу по ведру. Казакам и драгунам вьючных лошадей по одной на два человека. Кроме того, было куплено 200 верблюдов [7, с. 47].

<sup>2</sup> Рукопись Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, ф. IV, № 839, л. 19.

<sup>3</sup> Н. Федоров ранее (лет 30 до 1716 г.) находился в плену в Хиве и при возвращении оттуда «видел прежнее русло Амударьи, которое в том месте, где он переезжал, было шириною сажень 50» [7, с. 48].

<sup>4</sup> Туркмены почему-то называли Черкасского «Давлетгиреем».



и аржаной муки и эту муку для дружбы к нам прислать бы» [7, с. 33]. Эти факты свидетельствуют, что туркменские племена оказывали всемерную поддержку экспедиции князя Черкасского и они приветствовали основание крепостей в Тюб-Карагане и Красноводске.

Туркменские племена больше всего были заинтересованы в возможности поворота Амударьи в сторону Каспийского моря. Когда князь Черкасский еще находился в Красноводске, к нему возвратился Ходжанепес с посланными с ним астраханцами, которые доложили Черкасскому, что Ходжанепес, по прибытии на врочище, находящееся в двух верстах от Амударьи, действительно привел их на земляной вал вышиною в 1,5 аршина, шириною в 3 сажени и длиною верст 5, устроенный хивинцами для направления вод реки в Аральское море. Проехав по этому валу и степью около 20 верст, они прибыли к прежнему руслу Амударьи, по которому ехали три дня до урочища Ата Ибраим, где были мечеть и кладбище. На обоих берегах старого русла они видели развалины прежних жилищ и следы проведенных к ним каналов<sup>1</sup>.

Мнение о том, что Амударья когда-то впадала в Каспийское море и протекала через туркменские земли, было широко распространено в Петровскую эпоху. В 1722 г. Флорио Беневени, посланный Петром I в Бухару, в одной из своих реляций царю также писал: «Сказуют, что по Амударье реке до самого моря Каспийского жилья было премножество и хороших городков, а в них жил народ самый непостоянный, от которого Хива, так и Бухара, великие разорения терпели во все годы. Чего ради... рассудили за благо воду весьма пресечь, дабы сжидити его, и ретироваться тот народ принужден был, а те места опустели»<sup>2</sup>. Из отрывка видно, что речь идет именно о туркменах, которых всегда называли не иначе, как «народ самый непостоянный» и якобы от разбойничьих нападений которых всегда страдали Хива и Бухара.

Эти факты свидетельствуют, с одной стороны, о том, что у Петра I не пропал интерес к повороту Амударьи и отысканию водных торговых путей на Восток даже после печальной судьбы экспедиции князя Черкасского, с другой — о том, что туркменские племена были кровно заинтересованы в повороте вод Амударьи в сторону их некогда заброшенных пашен и жилищ. При этом, «по мнению туркменцев, для приведения реки в старое русло надлежало от плотины прокопать высокого места до дола<sup>3</sup> около 20 верст» [7, с. 53], то есть достаточно было прорыть канал длиною в 20 верст, чтобы соединить реку со старым руслом. И самое главное заключается в том, что в этом деле «русским будут помогать и туркменцы» [7, с. 52]. По-видимому, вопрос состоял не в том, в состоянии ли туркмены своими силами прорыть канал и соединить Амударью со старым руслом, а в том, что хивинские ханы не позволяли осуществить это и потому туркмены стремились заручиться поддержкой сильной державы.

На Красных водах к князю Черкасскому одновременно с Ходжанепесом возвратился и поручик Кожин, сообщивший, что подпоручика Давыдова, посланного в Бухару через Астрабад, не впустили в город по случаю бывшего тогда бунта в Иране [7, с. 47—48]. По прибытии на судне в Астрабад местный хан «ево, Давыдова, не принял, а сказал, что он без указу шахова величества персидского принять и через пер-

<sup>1</sup> Из показаний самого Ходжанепеса видно, что он со своими спутниками поехал по караванной дороге из Тюб-Карагана на Хиву и на одиннадцатый день пути достиг реки Карагач—притока Амударьи (ЗИРГО, IX. Спб., 1853, с. 319—337).

<sup>2</sup> Рукопись Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Шедрина, ф. IV, л. 839, л. 19.

<sup>3</sup> Дола — здесь означает русло, ложе.

сидскую землю пропустить не смеет» [7, с. 41]. После такой неудачи Петр I в 1719 г. через Иран в Бухару направил послом упомянутого итальянца Флорио Беневени [5, с. 303].

В конце апреля — начале мая 1717 г. князь Черкасский начал готовиться к третьему — последнему этапу экспедиции. Из Астрахани в Гурьев были отправлены войска и казачьи отряды, где они в течение 4 недель вели последние приготовления к походу в Хиву. Численность отряда достигала трех тысяч человек<sup>1</sup>. Сам князь Черкасский прибыл в Гурьев морем в июне 1717 г.<sup>2</sup>

Не вдаваясь в подробности цифровых данных, характеризующих снаряженный в Хиву отряд, отметим, что экспедицию сопровождали князь Заманов, астраханский дворянин Кирейтов<sup>3</sup>, майоры Франкенберг и Пальчиков, братья князя Черкасского Суюнч и Ак-Мирза, а также Ходжанепес. Главным вожатым отряда был назначен калмык Манглай-Бакша<sup>4</sup> со своими единоземцами, посланными ханом Аюка в качестве проводников. В отряде насчитывалось приблизительно 6 тыс. лошадей, много вьючного скота. В жаркое время года (20 июня — 15 августа 1717 г.) по безводной пустыне отряд совершил поход из Гурьева в Хиву и за 45 дней прошел 1350 верст. По дороге значительное число вьючных лошадей пало, было брошено много провианта, люди очень устали от жары и безводья. Воду, большей частью дурную, добывали в колодцах, выкапываемых на каждом привале. Словом, это был очень трудный, изнурительный, по тем временам беспрецедентный поход.

Следует отметить одно важное обстоятельство, решившее, быть может, судьбу экспедиции Черкасского в Хиву. С привала у колодца Ялгызу Черкасский отправил астраханского дворянина Кирейтова с сотней казаков в Хиву к хану с письмами и подарками для извещения, что он едет послом от Петра Великого [7, с. 49 и 55]. Через некоторое время у колодца Чилдана, находившегося от Ялгызу в 300 верстах, исчез главный вожатый отряда Манглай-Бакша со своей свитой. Тайно сбежав из отряда на полпути и «обошед оный окольную степью», Бакша прибыл в Хиву несколько позже отряда Кирейтова, которого Ширгази-хан еще не успел принять, «но ему были отпущены от хана кормовые деньги», что говорит о благонамеренном отношении его к миссии Кирейтова<sup>5</sup>. Во всяком случае, когда прибыл в Хиву вожатый Бакша, хивинцы немедленно обезоружили отряд, Кирейтова и находившихся при нем людей тотчас же рассадили по тюрьмам. С этой минуты в Хиве все пришло в движение, хан начал собирать войско, достигавшее 15 тыс. всадников<sup>6</sup>.

Вожатый Бакша по заданию хана Аюки предупредил хивинского хана Ширгази о том, будто князь Черкасский идет в Хиву не послом, а войной. Из документов архивов видно, что Аюка-хан сыграл предательскую, двуличную роль: с одной стороны, по его заданию вожатый Бакша тайком сбежал из отряда и предупредил Ширгази хана о якобы надвигающейся опасности, а с другой — он лицемерно сообщал русским властям о том, что «приехал его посольщик», который «сказывал, что

<sup>1</sup> Подробно о составе отряда см. ЦГИА ГрузССР, ф. 1087, д. 612, л. 4—7.

<sup>2</sup> В день выхода из Астрахани князя Черкасского постигло горе: утонули в море любимые жена и две дочери. Нравственное расстройство в связи с неожиданной потерей близких, несомненно, сказалось на дальнейшем поведении Черкасского, подчас совершенно непонятном [3, с. 55].

<sup>3</sup> В других документах — Керейтов, Карейтов.

<sup>4</sup> В других документах — Кашка.

<sup>5</sup> По другим сведениям, Кирейтов не был остановлен за городом и хивинский хан устроил ему благосклонный прием [7, с. 49].

<sup>6</sup> По другим сведениям — до 24 тыс. всадников [7, с. 55].

бухарцы, хивинцы, каракалпаки, кайсаки, балаки (?) соединились... и заставы стоят по местам, колодези засыпали, которым была ведомость чрез трухменцев о походе войска... а ваш де посольщик в Хиве (имеется в виду князь Черкасский. — М. А.) не в чести»<sup>1</sup> и т. д.

Аюка-хан имел причину ненавидеть Черкасского, отказавшего ему по неимению на то царского указа в содействии войсками, собранными для похода в Хиву, против кубанского хана. Поэтому он неоднократно предупреждал об опасности хивинской экспедиции, чтобы отвести от себя страшное подозрение и в угоду своей корысти хотел свалить всю тяжесть содеянного на туркмен, через которых будто бы «была ведомость о походе войска» [2, с. 297]. Между тем, бухарский посол, прибывший в это время в Астрахань, «сам видел письмо Аюки-хана к хану хивинскому, в котором первый предупреждал последнего, что под видом посольства идет русское войско для завоевания» [5, с. 270]. О том, что Бакша предупредил хивинского хана и стал его близким человеком, свидетельствует то, что Ширгази на следующий день после казни Черкасского и Заманова «любезно» доложил ему об этом [7, с. 34]. Все это говорит о предательстве Аюка-хана, что привело к роковым последствиям.

Институт истории им. Ш. Батырова  
АН Туркменской ССР

Дата поступления  
5 марта 1979 г.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Аму и Узбой. Труды Общества по исследованию будущих торговых путей в Среднюю Азию. Спб., 1879.
2. Дело 1714—1718 гг. об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитан-поручика князя А. Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву (документы). — В кн.: Материалы ВУА Главного штаба. т. 1. Спб., 1871.
3. История Туркменской ССР, т. 1, кн. 1. Ашхабад, 1957.
4. Очерки по истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954.
5. Попов А. Н. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре великом. — «Записки императорского русского географического общества», кн. 9. Спб., 1853.
6. Показания Ходжи Нефеса, Алтына Усейнова, Феодора Емельянова и Михаила Белотелкина. — «Записки императорского русского географического общества». Спб., 1897.
7. Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Сб. арх. документов. Ашхабад, 1963.

M. Annanepesov

#### TURKMENS IN THE EXPEDITION ORGANIZED BY A. BEKOVICH-CHERKASSKIY IN 1715—1717

The paper reveals the intention of the Caspian turkmen's to develop the long-standing trade ties with the Russia, their role in organization and choices of the routes of the expedition organized by A. Bekovich-Cherkasskiy, cooperation with the expeditions the aim of which was to turn the Amu Darya river into the former channell.

<sup>1</sup> Подробно об этом и вообще об экспедиции см.: [2, с. 297].

## ТУРКМЕНИ В ЭКСПЕДИЦИЯХ А. БЕКОВИЧА-ЧЕРКАССКОГО 1715—1717 гг.

### 2. Гибель экспедиции в Хиве и ее последствия<sup>1</sup>

В первой части статьи сделана попытка осветить причины организации и осуществление экспедиций к восточным берегам Каспийского моря и в Хиву, а также отношение прибрежных туркмен к этим экспедициям. Во второй части нет необходимости подробно писать о событиях, связанных с походом отряда князя Черкасского в Хиву, о первых стычках с хивинскими войсками, о предварительных переговорах и встречах Черкасского с Ширгази ханом, о разногласиях среди командного состава русского отряда, о расчленении отряда на пять частей, об истреблении отряда и о том, как обезглавили самого Черкасского и его приближенных и т. д. Все это детально изложено в показаниях случайно уцелевших Ходжанепеса, Алтына Усеинова, Феодора Емельянова и Михаила Белотелкина [1, с. 319—337].

Развязка наступила вскоре после того, как Черкасский в результате переговоров, тянувшихся несколько дней, согласился расчленить свой отряд на пять частей будто бы для удобного его расквартирования по пяти главным городам ханства<sup>2</sup>. Части отряда по 400—600 человек хивинские войска повели по разным дорогам и, едва отведя на несколько верст, начали их уничтожать. Защищавшихся рубили, а не оказывавших сопротивления — вязали. Вот как описывает этот роковой момент в своих показаниях Михаил Белотелкин: «И отъехали де они из обозу (от лагерного расположения войск. — М. А.) верст с пять и едучи, вдруг наехав на них, хивинцы учали их с лошадей брать и вязать, и перевязав, ружье, и лошадей, и платье, и скarb, что при них было, все обрали, и их разобрали, трое одного человека и развели неподалеку друг от друга и почали рубить» [1, с. 333]. Эти трагические события происходили в середине августа 1717 г. в местечке Порсунгул<sup>3</sup> в двух днях езды от Хивы.

Часть отряда, составлявшая охрану князя Черкасского, была уничтожена на следующий день. Убедившись в том, что войска Черкасского полностью уничтожены, Ширгази хан приказал казнить на его глазах сперва дворянина К. Економова, потом князя Заманова и, наконец,

<sup>1</sup> Первая часть статьи опубликована в № 4 нашего журнала за 1979 г.

<sup>2</sup> Ходжанепес называет следующие города: Хива, Ургенч, Хазарыс, Гурлян и Шагробат (Шахабат) [1, с. 328].

<sup>3</sup> По другим сведениям, Порсу-Сунгул, что скорее надо читать как Порсу-Чунгул, где впоследствии човдуры воздвигли Порсу-Калу [3, с. 50].



самого Черкасского, упрекавшего хана в вероломстве. В показаниях денщика князя Заманова из астраханских юртовских татар Алтына Усейнова сцена казни описана следующим образом: «И как де тот хивинский хан из шатра своего вышел и из обозу господина князя Черкасского узбеки<sup>1</sup>, взяв астраханца дворянина Кирьяка Економова и против шатра хивинского хана расстоянием сажень с тридцать, учили его, Кирьяка, разболокать донага, и разболочи, отрубили ему саблею голову и брюхо распорол. А потом де как стали его рубить, пришед к ханскому шатру другие узбеки и князя Михайлу Заманова, взяв с лошади, повели, и он де князь Заманов лошадь свою отдал держать ему, Алтыну, и от шатра де ханского отвели его, князя Заманова, сажень с десять и платье, которое на нем было, сняли и разболокли донага, оставили в одних штанах и посадили на землю. И двое человек хивинцев учили его рубить и голову ему отсекали же. И те де их казни хивинский хан видел, а господин де князь Черкасский, сидя на лошади у шатра его, хивинского хана, ему, хану и узбекам стал говорить: для чего они присланных с ним рубят, понеже он прислан от царского величества послом, а не войною, в чем де он хан и ханские его люди, что над ними зла никакого не чинить, целовали куран» [1, с. 331—332]. Точно таким же образом казнили и князя Черкасского, «платье все с него сняли, оставили в одной рубашке и стоячего рубили саблею» [1, с. 326]. Отрубленные у этих трех жертв головы были отосланы в Хиву, где с них сняли кожу, набили соломой и повесили у Айдарских ворот<sup>2</sup> на виселице [3, с. 34 и 51].

Так закончилась печально известная экспедиция А. Бековича-Черкасского в Хиву, надолго сохранившаяся в памяти народа и оставившая по себе пословицу: «Пропал, как Бекович».

Ширгази хан встретил отряд Черкасского враждебно. После трехдневных стычек он убедился, что хивинская конница не одолеет отряд, вооруженный пушками. Поэтому он прибегнул к обману, ухищрениям и нечестным приемам, не допускавшимся в практике военных столкновений и сражений. Князь Черкасский, со своей стороны, проявил излишнюю, подчас непростительную доверчивость и поверил клятвенным заверениям хана о мире и дружбе, быстро согласился на его приглашение под видом почетного приема посланнику великого государя и обмена подарков посетить хана, но, самое главное, имел пагубную неосторожность отделиться от своего войска, расчленил его и тем самым попал в хитро расставленные сети Ширгази хана. Зверский поступок хана — один из многочисленных примеров трусости и подлости восточных деспотов, которые часто творили свои кровавые злодеяния, лицемерно используя религию, фарисейски целуя коран и т. д.

Небезынтересна судьба Ходжанепеса<sup>3</sup>, который уцелел и благополучно добрался до своего аула. Астраханский дворянин Званский рассказал Ходжанепесу о том, что при первом свидании с князем Черкасским Ширгази просил его, чтобы «Нефеса отдал ему, хану, убить за то, что он, Нефес, им дорогу указывал и вождем был. И господин князь Черкасский его, Нефеса, не отдал, а велел спрятать тайно в теле-

<sup>1</sup> Речь идет о нукерах хивинского хана, в составе которых наравне с узбеками были и туркмены, казахи, каракалпаки и др.

<sup>2</sup> По другим сведениям, голова князя Черкасского послана ханом Ширгази в подарок бухарскому хану, что удивило последнего, отправившего голову обратно с вопросом: Не людоед ли Ширгази? [3, с. 56].

<sup>3</sup> В своих показаниях говорил, что он туркменец, родом садыр (возможно, следует читать салыр—М. А.); владения Сайдали-Салтана (в других документах—Сеид Ахмед Султан, Сеид Мухаммед Султан. — М. А.), «кочевье де они свое имеют улусами в кибитках близ Тюб-Карагана, в степях, по речкам Бегли да Емли... и по другим». Будучи предприимчивым купцом, неоднократно побывал в Астрахани и Хиве [1, с. 319].

гу, чтобы другие не показали, и покрыли епанчею и приставили караул четырех человек. И был он в телеге трои сутки» [1, с. 326]. Князь Черкасский и в дальнейшем проявлял заботу о Ходжанепесе; из ханского лагеря к своим войскам прислал специального человека с поручением, «чтобы его, Нефеса, как можно схоронили. И спрятали де его, Нефеса, по-прежнему в телегу...» [1, с. 326]. Тем временем наступила кровавая развязка и телега со спрянутым Ходжанепесом досталась одному из ханских нукеров туркмену Агамамеду. Тот отвел Ходжанепеса «в палатку свою в обоз Хивинский и велел ему голову по туркменскому их обыкновению обвить вместо чалмы платком, чтоб его узбеки не poznали, а та де его палатка стояла близко шатра ханского и палатки господина князя Черкасского» [1, с. 327]. Так Ходжанепес невольно стал очевидцем казни Черкасского и его приближенных.

После того, как Агамамед доставил его в Хиву, Ходжанепес договорился о том, что «пришлет за себя к нему, туркменцу, ясырей калмык двух человек и в том дал ему по себе порукою прежних своих знакомцев — туточных хивинских жителей Аллаяра да Човдура» [1, с. 326—328]. Хозяин его Агамамед отпустил Ходжанепеса, а один из знакомых дал ему лошадь, и ночью он выехал из Хивы в сторону Мангышлака. По прибытии (через 10 дней) к себе в аул, Ходжанепес вместе со старшиной Сеид Ахмедом явился в Тюб-Караганскую крепость и обо всем происшедшем и увиденном подробно изложил полковнику Анненкову. Вскоре Ходжанепеса отправили в Астрахань, где его также подробно допрашивали, а из Астрахани отослали в Казань, где вместе с другими уцелевшими участниками экспедиции его допрашивал казанский губернатор боярин П. С. Салтыков<sup>1</sup>. Протокол допроса и показания Ходжанепеса — последние документы, в которых упоминается его имя. После казанского допроса имя Ходжанепеса исчезает и о его дальнейшей судьбе ничего не известно<sup>2</sup>. Но судьба этого человека была не из легких. Движимый благородным стремлением повернуть Амударью по старому руслу в сторону Каспийского моря и тем самым обеспечить оросительной водой туркменские земли и открыть водный торговый путь в страны Востока, он выражал вековые чаяния своего народа.

Попытки калмыцкого Аюка-хана свалить вину за гибель экспедиции князя Черкасского на туркмен не выдерживают критики. Наоборот, как видно из сведений участников экспедиции астраханцев Ивана Воронина и Алексея Святого, после того, как в июле 1717 г. в Хиве появились слухи о том, что князь Черкасский идет не посольством, а войною, хивинцы стали «негодовать на туркменцев, зачем дают русским вожатых... и кайсакам, узбекам и каракалпакам сделано от старшин воззвание, дабы встретить русское войско в безводных местах большими силами» [3, с. 54]. Это показывает, что туркмены попали в немилость хану и в ту пору общественное мнение было направлено против них, как виновников появления отряда Черкасского в пределах ханства.

Правда, после гибели экспедиции туркмены Прибалханья совершили нападение на крепость Красноводск. В архивных документах проходят имена двух предводителей прикаспийских туркмен — Арсланбека<sup>3</sup> и Бутузбека. Первый из них дружелюбно относился к отряду

<sup>1</sup> Материалы допроса полностью опубликованы в ЗИРГО [1, с. 319—337].

<sup>2</sup> По преданиям, Ходжанепес благополучно вернулся на Мангышлак и из-за опасений со стороны Хивы вскоре перебрался далеко на юг в пределы Ирана. В устье реки Гурген до сих пор существует населенный пункт под названием «Ходжа-Нефес» (записи 1961 г. из уст Азима Тaimова).

<sup>3</sup> В документах: Розсланбек.

В Красноводской крепости и находился в постоянных контактах с начальником крепости полковником фон дер Виденом. Второй в конце августа 1717 г. сообщил отряду, что «князя Черкасского, и при нем будущее войско хивинцы побили, а остальных всех разобрали по рукам» [3, с. 42], после чего отношение прибрежных туркмен к русской крепости изменилось. Арслан-бек предупредил фон дер Видена о том, что Бутуз-бек собирается напасть на крепость, «чтобы они от того имели осторожность» [3, с. 42]. И действительно, где-то в сентябре — начале октября 1717 г. на рассвете две тысячи туркмен «текеи-юмутцы, огружинцы, куклуяны, юмутцы... татары-балханцы» сухим путем и морем на лодках, «с огненным и лучным ружьем» напали на крепость. Но нападение туркмен было отбито. 3 октября 1717 г. из-за недостатка пресной воды и дров, а также распространения болезней, отряд вынужден был оставить крепость и эвакуироваться в Астрахань [3, с. 42—43].

Факт нападения туркмен на крепость в Красноводске можно объяснить двумя причинами. Во-первых, в связи с гибелью экспедиции князя Черкасского, они, возможно, рассчитывали на какую-то добычу и с чисто грабительскими намерениями напали на крепость. На это есть прямое указание в документах, где говорится, что «туркменцы в надежде добычи переменили дружбу свою к нам на ненависть» [3, с. 56]. С другой стороны, трудно предположить, чтобы туркмены без вмешательства Хивы вдруг «переменили дружбу на ненависть». Нападение на крепость в Красноводске — дело рук Ширгази хана, который, «не довольствуясь истреблением отряда князя Черкасского, подстрекал туркменцев атаковать эту крепость» [3, с. 51]. О наличии организованного начала говорит и состав участников нападения. Наряду с островными и прибрежными туркменами, нападшими на лодках с моря, упоминаются текинцы, йомуты, гоклены и балханцы, конные отряды которых напали с суши. Если принять во внимание, то, что прибалханские туркмены, текинцы, часть йомудов считались подданными Хивы и платили ханским властям дань со скота и награбленного, то становится очевидной подстрекательская роль Ширгази хана в организации нападения на крепость в Красноводске.

Жестоко расправившись с отрядом Черкасского, хивинский хан в глазах России прежде всего наказал самого себя, свой насквозь прогнивший режим. Он чувствовал угрызение совести перед Петром I и в дальнейшем всячески оправдывал свои действия. Принимая через несколько лет другого посланника Петра I Ф. Беневени, возвращавшегося из Бухары, Ширгази говорил ему, что Черкасский явился в Хиву не послом, а войною, «что государь ваш не знал намерений князя Бековича, который действовал для своей личной выгоды» и т. д. Ширгази даже заискивал перед Беневени, приглашая его специальным письмом проехать через Хиву и наговаривая ему разные лестные слова [2, с. 311].

Несмотря на печальный исход экспедиции Черкасского, вызванный коварством и жестокостью Ширгази хана, она явилась первым крупным политическим событием в русско-среднеазиатских отношениях. Экспедиция фактически явилась молнией, осветившей тьму пустынных расстояний между петровской Россией и Средней Азией с ее деспотическими режимами; она положила начало дальнейшему развитию торгово-экономических, политических и дипломатических отношений между Россией и Средней Азией. В связи с гибелью экспедиции Черкасского, тяготение среднеазиатских народов, особенно прибрежных казахов и туркмен, к России не только не уменьшилось, но, наоборот, они с еще большим усердием и постоянством искали подданства России, считая это единственным средством избавления от жестокостей и произвола ханских режимов.



Большой интерес для истории русско-туркменских дружественных связей представляют события 40-х гг. XVIII в., когда огромная масса туркмен, живших на побережье Амударьи от Северного Афганистана до Хивы, спасаясь от преследований Надир-шаха, двинулась на Усть-Юрт, Балханы и Мангышлак — к берегам Каспийского моря. Эти оставшиеся без крова и испытывавшие голод и лишения люди обратились к России с просьбой оказать им помощь хлебом и другим продовольствием. Архивные документы показывают, что Россия не осталась безучастной к просьбе туркменских племен. Весной 1741 г. из Астрахани в Мангышлак было отправлено специальное судно капитана Тебелева, груженое мукой и другими продуктами.

Прибрежные туркмены, особенно мангышлакские, испытывали постоянную нужду в хлебе. Экономическая заинтересованность прикаспийских туркмен в регулярной торговле с русскими купцами, особенно в обмене продуктов скотоводства на хлеб, стимулировала настойчивые поиски ими политического покровительства России. В этом отношении интересно одно из писем старшин прибрежных туркмен, где они сообщают, что «где б туркменский народ ни был, все придут и будут в подданстве, для того-де, что кроме России неоткуда пропитания ждаты» [3, с. 75].

Начиная с 40-х гг. XVIII в. туркмены в своих письмах астраханским губернаторам не раз просили основать русскую торговую крепость-факторию на восточном берегу Каспийского моря. В 1745 г. на Мангышлак прибыло русское судно под командованием капитана В. Копытовского, которое посещали не только мангышлакские туркмены, но и представители балханских и хивинских туркмен. Впервые после Ходжанепеса в январе 1746 г. четверо туркменских старшин посетили Петербург, где они были приняты императрицей Елизаветой Петровной. При этом они говорили от имени туркмен Мангышлака, Балханских гор и Хивы и уверяли, что русского подданства желают все указанные группы туркмен [3, с. 82—84].

В 50—60-х гг. XVIII в. наблюдается заметное оживление в русско-туркменских взаимоотношениях. В эти годы велась переписка о расширении торговли с туркменами, Хивой и Бухарой, об исследовании восточных берегов Каспийского моря для выбора удобных гаваней и основания торговых крепостей-факторий. С этой целью в 1763 г. была снаряжена специальная экспедиция под руководством М. Ладыженского. Туркмены Красноводского залива и Мангышлака добивались одинаковых прав в торговле с Россией, просили посылать к ним русские торговые суда не менее двух раз в год и освободить их от пошлины на ввоз товаров в Астрахань, взамен на это они обещали «русских купцов как до Бухары, так и до Хивы и обратно провозжать» [3, с. 107].

В конце XVIII в. отдельные русские купцы заключили контракт с туркменскими и хивинскими купцами и доставляли на своих судах различные российские и европейские товары. Развитие торгово-экономических отношений постепенно приводило к политическому сближению туркмен с Россией. Туркмены Мангышлака неоднократно посылали свои депутации в Астрахань и Петербург с прошениями о принятии их в подданство России. Одновременно они ходатайствовали об отправке хлеба, о беспошлинной продаже им стали, пороха, свинца и т. д. Грамотой Александра I 9 мая 1802 г. туркмены-абдалы, човдуры, игдиры, бурунчуки и бузачи официально были признаны подданными России. Этот политический акт сыграл положительную роль в жизни не только указанных групп туркмен, но и для всего Туркменистана, так как он продемонстрировал решимость туркмен навечно избавиться от



притязаний и агрессивных действий со стороны соседних феодальных государств.

Экономические и политические связи среднеазиатских народов с Россией получили свое дальнейшее развитие в XIX в. Уже в самом начале XIX в., в связи с присоединением Кавказа к России, в торгово-экономический и политический контакты с Россией вступают все новые группы населения и новые районы Средней Азии, что в конечном итоге привело к ее присоединению к России.

Институт истории им. Ш. Батырова  
АН Туркменской ССР

Дата поступления  
1 марта 1979 г.

### ЛИТЕРАТУРА

1. Показания Ходжи Нефеса, Алтына Усейнова, Феодора Емельянова и Мухаммада Белотелкина. — Записки императорского русского географического общества, кн. 9. Спб., 1853.
2. Попов А. Н. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом. — Записки императорского русского географического общества, кн. 9. Спб., 1853.
3. Русско-туркменские отношения в XVIII—XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Сб. арх. документов. Ашхабад, 1963.

М. Аннанепесов

### ТУРКМЕНЛЕР А. БЕКОВИЧ-ЧЕРКАССКИНИҢ 1715—1717-җи ИЫЛЛАРДАКЫ ЭКСПЕДИЦИЯСЫНДА

#### 2. Экспедицияның Хывада хеләк болшы ве онуң нетижелери

Макалада А. Бекович-Черкасскиниң экспедициясының Хывада бөлүнишиге дүшүши ве ғырылмагы, мунда Хыва ханы Ширгазының ве галмык ханы Аюканың кеңар-яка беркитмелере чозушлары гурамаклакы хем-де 1717-җи йылын экспедициясының пажыгалы гутармагындакы ролы хакда гүррүн эдилйәр.